

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ
2024-2025 УЧ. ГОД**

7-8 КЛАСС

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания.

ЗАДАНИЕ 1.

Выполните целостный анализ рассказа

К.Паустовского «Старый повар». Можно опираться на вопросы, данные ниже, но необязательно отвечать на них в том порядке, в котором они даны. Вы можете обратить внимание на те аспекты произведения, которые не отражены в вопросах.

Максимальное количество баллов – 60 баллов

1. Каковы темы данного рассказа? Как они связаны друг с другом?
2. Почему в заглавие рассказа автор вынес образ старого повара?
3. Как представлены герои рассказа?
4. Какую роль играет пейзаж?
5. Как передано в рассказе воздействие музыки?

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик — бывший повар графини Тун. Собственно говоря, это был даже не дом, а ветхая сторожка, стоявшая в глубине сада. Сад был завален гнилыми ветками, сбитыми ветром. При каждом шаге ветки хрустели, и тогда начинал тихо ворчать в своей будке цепной пёс. Он тоже умирал, как и его хозяин, от старости и уже не мог лаять.

Несколько лет назад повар ослеп от жара печей. Управляющий графини поселил его с тех пор в сторожке и выдавал ему время от времени несколько флоринов.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Всё убранство сторожки составляли кровать, хромые скамейки, грубый стол, фаянсовая посуда, покрытая трещинами, и, наконец, клавесин — единственное богатство Марии.

Клавесин был такой старый, что струны его пели долго и тихо в ответ на все возникавшие вокруг звуки. Повар, смеясь, называл клавесин «сторожем своего дома». Никто не мог войти в дом без того, чтобы клавесин не встретил его дрожащим, старческим гулом.

Когда Мария умыла умирающего и надела на него холодную чистую рубаху, старик сказал:

— Я всегда не любил священников и монахов. Я не могу позвать исповедника, между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть.

— Что же делать? — испуганно спросила Мария.

— Выйди на улицу, — сказал старик, — и попроси первого встречного зайти в наш дом, чтобы исповедать умирающего. Тебе никто не откажет.

— Наша улица такая пустынная... — прошептала Мария, накинула платок и вышла.

Она пробежала через сад, с трудом открыла заржавленную калитку и остановилась. Улица была пуста. Ветер нёс по ней листья, а с тёмного неба падали холодные капли дождя.

Мария долго ждала и прислушивалась. Наконец ей показалось, что вдоль ограды идёт и напевает человек. Она сделала несколько шагов ему навстречу, столкнулась с ним и вскрикнула. Человек остановился и спросил:

— Кто здесь?

Мария схватила его за руку и дрожащим голосом передала просьбу отца.

— Хорошо, — сказал человек спокойно. — Хотя я не священник, но это всё равно. Пойдёмте.

Они вошли в дом. При свече Мария увидела худого маленького человека. Он сбросил на скамейку мокрый плащ. Он был одет с изяществом и простотой — огонь свечи поблёскивал на его чёрном камзоле, хрустальных пуговицах и кружевном жабо.

Он был ещё очень молод, этот незнакомец. Совсем мальчишески он тряхнул головой, поправил напудренный парик, быстро придвинул к кровати табурет, сел и, наклонившись, пристально и весело посмотрел в лицо умирающему.

— Говорите! — сказал он. — Может быть, властью, данной мне не от бога, а от искусства, которому я служу, я облегчу ваши последние минуты и сниму тяжесть с вашей души.

— Я работал всю жизнь, пока не ослеп, — прошептал старик. — А кто работает, у того нет времени грешить. Когда заболела чахоткой моя жена — её звали Мартой — и лекарь прописал ей разные дорогие лекарства и приказал кормить её

сливками и винными ягодами и поить горячим красным вином, я украл из сервиза графини Тун маленькое золотое блюдо, разбил его на куски и продал. И мне тяжело теперь вспоминать об этом и скрывать от дочери: я её научил не трогать ни пылинки с чужого стола.

— А кто-нибудь из слуг графини пострадал за это? — спросил незнакомец.

— Клянусь, сударь, никто, — ответил старик и заплакал. — Если бы я знал, что золото не поможет моей Марте, разве я мог бы украсть!

— Как вас зовут? — спросил незнакомец.

— Иоганн Мейер, сударь.

— Так вот, Иоганн Мейер, — сказал незнакомец и положил ладонь на слепые глаза старика, — вы невинны перед людьми. То, что вы совершили, не есть грех и не является кражей, а, наоборот, может быть зачтено вам как подвиг любви.

— Аминь! — прошептал старик.

— Аминь! — повторил незнакомец. — А теперь скажите мне вашу последнюю волю.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь позаботился о Марии.

— Я сделаю это. А ещё чего вы хотите?

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

— Я хотел бы ещё раз увидеть Марту такой, какой я встретил её в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной. Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

— Хорошо, — сказал незнакомец и встал. — Хорошо, — повторил он, подошёл к клавесину и сел перед ним на табурет. —

Хорошо! — громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков.

— Слушайте,- сказал незнакомец. — Слушайте и смотрите.

Он заиграл. Мария вспоминала потом лицо незнакомца, когда первый клавиш прозвучал под его рукой. Необыкновенная бледность покрыла его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи.

Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад. Старый пёс вылез из будки, сидел, склонив голову набок, и, насторожившись, тихонько помахивал хвостом. Начал идти мокрый снег, но пёс только потряхивал ушами.

— Я вижу, сударь! — сказал старик и приподнялся на кровати. — Я вижу день, когда я встретился с Мартой и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой, в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, — повторил он, прислушиваясь к журчанию струн.

Незнакомец играл, глядя в чёрное окно.

— А теперь, — спросил он, — вы видите что-нибудь?

Старик молчал, прислушиваясь.

— Неужели вы не видите, — быстро сказал незнакомец, не переставая играть, — что ночь из чёрной сделалась синей, а потом голубой, и тёплый свет уже падает откуда-то сверху, и на старых ветках ваших деревьев распускаются белые цветы. Помоему, это цветы яблони, хотя отсюда, из комнаты, они похожи на большие тюльпаны. Вы видите: первый луч упал на каменную ограду, нагрел её, и от неё поднимается пар. Это, должно быть, высыхает мох, наполненный растаявшим снегом. А небо

делается всё выше, всё синее, всё великолепнее, и стаи птиц уже летят на север над нашей старой Веной.

— Я вижу всё это! — крикнул старик.

Тихо проскрипела педаль, и клавесин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голосов.

— Нет, сударь, — сказала Мария незнакомцу, — эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну только ночь.

— Да, — ответил незнакомец, — это яблони, но у них очень крупные лепестки.

— Открой окно, Мария, — попросил старик.

Мария открыла окно. Холодный воздух ворвался в комнату. Незнакомец играл очень тихо и медленно.

Старик упал на подушки, жадно дышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть. Он сидел у клавесина не двигаясь, как будто заколдованный собственной музыкой.

Мария вскрикнула. Незнакомец встал и подошёл к кровати. Старик сказал, задыхаясь:

— Я видел всё так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умереть и не узнать... имя. Имя!

— Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт, — ответил незнакомец.

Мария отступила от кровати и низко, почти касаясь коленом пола, склонилась перед великим музыкантом.

Когда она выпрямилась, старик был уже мёртв. Заря разгоралась за окнами, и в её свете стоял сад, засыпанный цветами мокрого снега.

ЗАДАНИЕ 2.

Прочитайте басню и лирическое стихотворение Владислава Ходасевича (1886-1939). Какая тема их роднит? Как жанр стихотворения влияет на трактовку темы? Какие художественные средства используются автором для её выражения? Знаете ли вы стихи других поэтов, в которых также поднимается данная тема? Ответ напишите в свободной форме, близкой к эссе (150-200 слов). Придумайте название своему эссе.

Максимальное количество баллов –40 баллов.

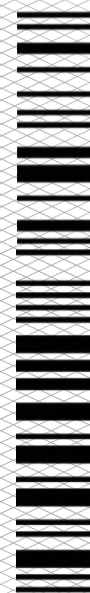
Блоха и горlinkка

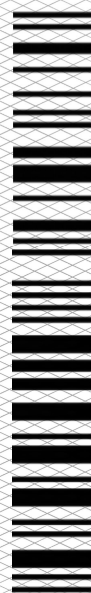
Басня
На пуп откупщика усевшись горделиво,
Блоха сказала горlinkке: «Гляди:
Могу скакнуть отсюда красиво
До самых груди».
Но горlinkка в ответ: «Сие твоё есть дело».
И — в облака взлетела.
Так Гений смертного в талантах превосходит,
Но сам о том речей отнюдь не водит.

В. Ходасевич. Люблю говорить слова...

Люблю говорить слова,
Не совсем подходящие.
Оплети меня, синева,
Нитями тонко звенящими!
Из всех цепей и неволь
Вырывают строки неверные,

Где каждое слово -пароль
Проникнуть в тайны вечерние.
Мучительны ваши слова,
Словно к кресту пригвожденные.
Мне вечером шепчет трава
Речи ласково-сонные.
Очищают от всех неволь
Рифмы однообразные.
Утихает ветхая боль
Под напевы грустно-бесстрастные.
Вольно поет синева
Песни, неясно звенящие.
Рождают тайну слова —
Не совсем подходящие.
1907

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ
2024-2025 УЧ. ГОД**

9 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 70) и творческое задание (максимальный балл – 30). Внутри общего времени ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1.

Напишите целостный анализ рассказа Надежды Тэффи «О нежности». Можно опираться на вопросы, данные ниже, но необязательно отвечать на них в том порядке, в котором они даны.

Максимальный балл – 70.

1. Какова основная тема рассказа?
2. Как построен рассказ?
3. Что вы можете сказать о повествователе?
4. Почему в рассказе говорится, что тот, кто «познал нежность – тот отмечен»?
5. Как соотносятся в повествовании истории о детях и о взрослых?

«А нежность... где ее нет!» — сказала Обломову Ольга¹.

Что это за фраза? Как ее следует понимать? Почему такое уничижение нежности? И где она так часто встречается?

Я думаю, что здесь неточность, что не нежность осуждается пламенной Ольгой, а модная в то время сентиментальность, фальшивое, поверхностное и манерное занятие. Именно занятие, а не чувство.

Но как можно осудить нежность?

Нежность — самый кроткий, робкий, божественный лик любви? Сестра нежности — жалость и они всегда вместе.

Увидите вы их не часто, но иногда встретите там, где никак не ожидали и в сочетании самом удивительном.

Любовь-страсть всегда с оглядкой на себя. Она хочет покорить, обольстить, она хочет нравиться, она охорашивается, подбоченивается, мерит, все время боится упустить потерянное.

Любовь-нежность (жалость) — все отдает, и нет ей предела. И никогда она на себя не оглянется, потому что «не ищет своего». Только она одна и не ищет.

Но не надо думать, что чувство нежности принижает человека. Наоборот. Нежность идет сверху, она заботится о любимом, охраняет, опекает его. А ведь заботиться и охранять можно только существо беззащитное, нуждающееся в опеке. Поэтому слова нежности — слова уменьшительные, идущие от сильного к слабому.

— Деточка! Крошечка!

¹ Ольга - героиня романа И.Гончарова «Обломов»

Пусть деточке пятьдесят лет, а крошечке семьдесят, нежность идет сверху и видит их маленькими, беззащитными, и мучается над ними, боится за них.

Не может Валькирия, несмотря на всю свою любовь к Зигфриду, назвать его «зайнойкой». Она покорена силой Зигфрида, в ее любви — уважение к мускулам и к силе духа. Она любит героя. Нежности в такой любви быть не может.

Если маленькая, хрупкая, по природе нежная женщина полюбит держиморду, она будет искать момента, принижающего это могучее существо, чтобы открыть путь для своей нежности.

— Он, конечно, человек очень сильный, волевой, даже грубый, но, знаете, иногда, когда он спит, у него лицо делается вдруг таким детским, беспомощным.

Это нежность слепо, ошупью ищет своего пути.

Одна молодая датчанка, первый раз попавшая во Францию, рассказывала с большим удивлением, что француженки называют своих детей кроликами и цыплятами. И даже — что совсем уже необъяснимо — одна дама называла своего больного мужа капустой (*mon chou*) и кокошкой (*ma cocotte*).

— И, знаете, — прибавляла она, — я заметила, что и на детей, и на больных это очень хорошо действует.

— А разве у вас в Дании нет никаких ласкательных слов?

— Нет, ровно никаких.

— Ну, а как же вы выражаете свою нежность?

— Если мы любим кого-нибудь, то мы стараемся сделать для него все, что только в наших силах, но называть почтенного человека курицей никому в голову не придет. Но странное дело, — прибавила она задумчиво, — я заметила, что такое обращение очень нравится и даже очень хорошо действует на детей и больных.

Нежность встречается редко и все реже.

Современная жизнь трудна и сложна. Современный человек и в любви стремится прежде всего утвердить свою личность. Любовь — единоборство.

— Ага! Любить? Ну ладно же.

Засучили рукава, расправили плечи — ну-ка, кто кого?

До нежности ли тут? И кого беречь, кого жалеть — все молодцы и герои.

Кто познал нежность — тот отмечен. Копье архангела пронзило его душу, и уж не будет душе этой ни покоя, ни меры никогда.

В нашем представлении рисуется нежность непременно в виде кроткой женщины, склонившейся к изголовью.

Ах, что мы знаем об этих «кротких женщинах»! Ничего мы о них не знаем.

Нет, не там нужно искать нежность. Я видела ее иначе. В обликах совсем не поэтических, в простых, даже забавных.

В первый раз посетила она мою душу — давно. Душе моей было не более семи лет. Огромные семь лет. Самые полные, насыщенные и значительные эти первые семь лет человеческой жизни.

Был вечер, была елка. Были и восторг, и зависть, и смех, и ревность, и обида, — весь аккорд душевных переживаний.

И были подарены нам с младшей сестрой картонные слоники, серые с наклеенной на спине красной бархатной попонкой с золотым галуном. Попонка сбоку поднималась и внутри в животе у слоников бренчали конфетки.

Были подарки и поинтереснее. Слоники ведь просто картонажи с елки.

Я высыпала из своего картонажа конфетки, живо их сгрызла, а самого слоника сунула под елку — пусть там спит, а за ночь придумаю, кому его подарить.

Вечером, разбирая игрушки и укладывая спать кукол, заметила, что сестра Лена как-то особенно тихо копошится в своем углу и со страхом на меня посматривает.

— Что бы это такое могло быть?

Я подошла к ней, и она тотчас же схватила куклино одеяло и что-то от меня прикрыла, спрятала.

— Что у тебя там?

Она засопела и, придерживая одеяло обеими руками, грозно сказала:

— Пожалуйста, не смей!

Тут для меня осталось два выхода — или сказать «хочу» и «буду» — и лезть напролом, или сделать вид, что мне вовсе не интересно. Я выбрала последнее.

— Очень мне нужно!

Повернулась и пошла в свой угол. Но любопытство мучило, и я искоса следила за Леной. Она что-то все поглаживала, шептала. Изредка косила на меня испуганный круглый свой глазок. Я продолжала делать вид, что мне все это ничуть не интересно, и даже стала напевать себе под нос.

И мне удалось обмануть ее. Она встала, нерешительно шагнула раз, два, и видя, что я сижу спокойно, вышла из комнаты.

В два прыжка я была уже в ее углу, содрала одеяльце и увидела нечто ужасно смешное. Положив голову на подушечку, лежал спеленутый слоник, безобразный, жалкий, носатый. Вылезавший из сложенной чепчиком тряпки хобот и часть отвислого уха — все было так беззащитно, покорно и кротко и

вместе с тем так невыносимо смешно, что семилетняя душа моя растерялась. И еще увидела я под хоботом у слоника огрызок пряника и два ореха. И от всего этого стало мне так больно, так невыносимо, что, чтобы как-нибудь вырваться из этой странной муки, я стала смеяться и кричать:

— Лена! Глупая Лена! Она слона спеленала! Смотрите! Смотрите!

И Лена бежит, красная, испуганная, с таким отчаянием в глазах, толкает меня, прячет своего слоника. А я все кричу:

— Смотрите, смотрите! Она слона спеленала!

И Лена бьет меня крошечным толстым своим кулаком, мягким, как резинка, и прерывающимся шепотом говорит:

— Не смей над ним смеяться! Ведь я тебя у-у-убить могу!

И плачет, очевидно от ужаса, что способна на такое преступление.

Мне не больно от ее кулака. Он маленький и похож на резинку, но то, что она защищает своего уродца от меня, большой и сильной, умеющей — она это знает — драться ногами, и сам этот уродец, носатый, невинный, в тряпочном чепчике, — все это такой болью, такой невыносимой, беспредельной, безысходной жалостью сжимает мою маленькую, еще слепую душу, что я хватаю Лену за плечи и начинаю плакать и кричать, кричать, кричать... Картонного слоника с красной попонкой — уродца в тряпочном чепчике — забуду ли я когда-нибудь?

* * *

И вот еще история — очень похожая на эту. Тоже история детской души.

Был у моих знакомых, еще в Петербурге, мальчик Миша, четырех лет от роду.

Миша был грубый мальчишка, говорил басом, смотрел исподлобья. Когда бывал в хорошем настроении, напевал себе под нос: «бум-бум-бум» и плясал, как медведь, переступая с ноги на ногу. Плясал только, когда был один в комнате. Если кто-нибудь невзначай войдет, Миша от стыда, что ли, приходил в ярость, бросался к вошедшему и бил его кулаками по коленям — выше он достать не мог.

Мрачный был мальчик. Говорил мало и плохо, развивался туго, любил делать то, что запрещено, и делал явно, назло, потому что при этом поглядывал исподтишка на старших. Лез в печку, брал в рот гвозди и грязные перья, запускать руку в вазочку с вареньем, одним словом, был отпетый малый.

И вот как-то принесли к нему в детскую, очевидно, за ненадобностью, довольно большой старый медный подсвечник.

Миша потащил его к своим игрушкам, к автомобилю, паяцу, кораблю и барану, поставил на почетное место, а вечером, несмотря на протесты няньки, взял его с собою в кровать. И ночью увидела нянька, что подсвечник лежал посреди постели, положив на подушку верхушку с дыркой, в которую вставляют свечку. Лежал подсвечник, укрытый «до плеч» простыней и одеялом, а сам Миша, голый и холодный, свернулся комком в уголочке и ноги поджал, чтобы не мешать подсвечнику. И несколько раз укладывала его нянька на место, но всегда, просыпаясь, видела подсвечник уложенным и прикрытым, а Мишу голого и холодного — у его ног.

На другой день решили подсвечник отобрать, но Миша так отчаянно рыдал, что у него даже сделался жар. Подсвечник оставили в детской, но не позволили брать с собою в кровать. Миша спал беспокойно и, просыпаясь, поднимал голову и озабоченно смотрел в сторону подсвечника — тут ли он.

А когда встал, сейчас же уложил подсвечник на свое место, очевидно, чтобы тот отдохнул от неудобной ночи.

И вот как-то после обеда дали Мише шоколадку. Ему вообще сладкого никогда не давали — доктор запретил, — так что это был для него большой праздник. Он даже покраснел. Взял шоколадку и пошел своей звериной походкой в детскую. Потом слышно было, как он запел: «бум-бум-бум» и затопал медвежьей пляску.

А утром няньку, убирая комнату, нашла его шоколадку нетронутой — он ее засунул в свой подсвечник. Он угостил, отдал все, что было в его жизни самого лучшего, и, отдав, плясал и пел от радости.

* * *

Мы жили в санатории под Парижем.

Санатория принадлежала русскому врачу, и почти все ее население было русское.

Гуляли, ели, слушали радио, играли в бридж, сплетничали. Настоящих больных было только двое — чахоточная девочка, которую никто никогда не видел, и злоющий старик, поправлявшийся от тифа.

Старик часто сидел на террасе в шезлонге, обложенный подушками, укутанный пледами, бледный, бородатый, всегда молчал и, если кто проходил мимо, отворачивался и закрывал глаза.

Вокруг старика трепетной птицей вилась его жена. Женщина немолодая, сухая, легкая, с лицом увядшим и с такими тревожно-счастливыми глазами, которые точно увидели радость и верить этой радости бояться.

И никогда она не сидела спокойно. Все что-то поправляла около своего больного. То перевертывала ему газету, то взбивала

подушку, то подтыкивала плед, то бежала греть молоко, то капала лекарство. Все эти услуги старик принимал с явным отвращением, а она от страха перед этим отвращением роняла ложку, проливая молоко, задевала его газетой по носу. И все время улыбалась дрожащими губами и рассказывала всякие веселые вещи. Расскажет и засмеется, чтобы показать ему, что это смешно, что это весело. Он делал вид, что не слышит, и отворачивался.

Когда он засыпал в кресле, она позволяла себе сесть рядом и даже взять книгу. Но книгу она не читала, потому что, напряженно вытянув шею, прислушивалась к его дыханию.

Завтракал и обедал он у себя в комнате, и она одна спускалась в столовую. И каждое утро с газетой в руках она носилась от столика к столику, приветливо со всеми беседовала и спрашивала:

— Вот, может быть, вы мне поможете? Вот здесь крестословица. «Что бывает в жилом доме, в четыре буквы». Я думала «окно», но первая буква «и», потому что вертикально «женщина, обращенная в корову», значит Ио.

И поясняла:

— Я записываю на бумажке, чтобы помочь Сергею Сергеевичу. Он всегда решает крестословицы, и, если затрудняется, я ему прихожу на помощь. Ведь это единственное его развлечение. Так что уж мы с ним всегда, после дневного отдыха, предаемся этому занятию. Больные ведь как дети. Я так рада, что хоть это его забавляет. Чтение для него утомительно. Так вы не знаете, что бывает в доме в четыре буквы на «и»? Ну, так я спрошу у той барышни, что сидит на балконе.

И летит, легкая, сухая, на балкон к среднему столику, от столика еще куда-нибудь и всем приветливо объясняет, что ее

мужа развлекают крестословицы и как она ему помогает в трудных случаях.

— Знаете, больные, они как дети!

И ласково всем кивала и посмеивалась, точно все мы были в каком-то веселом с ней заговоре и, конечно, тоже радуемся, стараясь угадать трудное слово крестословицы, чтобы быть полезными очаровательному Сергею Сергеевичу.

Ее жалели и относились к ней с большой симпатией.

— Умная была женщина, бактериолог. Много научных работ. И вот бросила все и мечется с крестословицами.

— А что он собою представляет?

— Он? Да как вам сказать, — нечто неопределенное. Был как будто общественным деятелем, не из видных. Писал в провинциальных газетах. В общем, кажется, просто дурак с фанатериями.

Эти часа полтора во время завтрака были, кажется, лучшими моментами ее жизни. Это была подготовка к блаженному моменту, когда «ему», может быть, понадобится ее помощь.

И вот, как-то он выполз на террасу раньше обычного, когда кое-кто из пансионеров еще не встал из-за стола.

Она долго усаживала его, укрывала пледами, подкладывала подушки. Он морщился и сердито отталкивал ее руку, если она не сразу угадывала его желания.

Наконец он успокоился.

Она, радостно поеживаясь, схватила газету.

— Вот, Сереженька, сегодня, кажется, очень интересная крестословица.

Он вдруг приподнял голову, выкатил злые желтые глаза и весь затрясся.

— Убирайся ты наконец к черту со своими идиотскими крестословицами! — бешено зашипел он.

Она побледнела и вся как-то опустилась.

— Но ведь ты же... — растерянно лепетала она. — Ведь ты же всегда интересовался...

— Никогда я не интересовался! — все трясся и шипел он, с звериным наслаждением глядя на ее бледное, отчаянное лицо. — Никогда! Это ты лезла с упорством дегенератки, каковая ты и есть! И-ди-отка!

Она ничего не ответила. Она только с трудом проглотила воздух, крепко прижала руки к груди и огляделась кругом с такой болью и с таким отчаянием, точно искала помощи. Но кто же может отнести серьезно к такому смешному и глупому горю?

Только маленький мальчик, сидевший за соседним столиком и видевший эту сцену, вдруг зажмурился и горько-горько заплакал.

* * *

Он жил в одном доме с нами. Он был когда-то другом моего покойного отца, кажется, даже товарищем по университету.

Но в то время, о котором я сейчас хочу рассказать, он почти никогда у нас не бывал. Видали мы его только рано утром на улице. Он гулял со своей собакой.

Но слышали мы о нем часто. Он был очень важным сановником, очень нелюбимым и осуждаемым за ретроградство, за «непонимание момента», крутым, злобным человеком, «темной силой, тормозящей молодую Россию на ее светлом пути». Вот как о нем говорили.

И еще говорили о том, что он тридцать пять лет состоит мужем женщины, выдающейся красотой и умом.

Пройти такой стаж было, вероятно, очень тяжело.

Быть мужем красавицы трудно. Но красота пропадает, и женщина успокаивается. Но если красавица вдобавок и умна — то покоя уже никогда не настанет. Умная красавица, потеряв красоту, заткнет пустое место благотворительностью, общественной деятельностью, политикой. Тут покоя не будет.

Жена сановника была умна, писала знаменитым людям письма исторического значения, наполняла свой салон передовыми людьми и о муже отзывалась иронически.

Впрочем, сейчас я не совсем уверена в том, что эта женщина была умна. В те времена была мода на вдумчивость и серьезность, на кокетничанье отсутствием кокетства, на наигранный интерес к передовым идеям и каким-то «студенческим вопросам». Если женщина при этом была красива и богата, то репутация умницы была за ней обеспечена.

Может быть, и в данном случае было так.

Сановник жил на своей половине, отделенной от комнат умной красавицы большой гостиной, всегда полутемной, с дребезжащими хрустальными люстр, с толстыми коврами, о которые испуганно спотыкались пробежавшие с докладами молодые чиновники.

Утром, гуляя с няней, которая ходила за булками, мы встречали сановника. Он гулял со своей огромной собакой, сенбернаром.

Сановник был тоже огромный, обрюзгший и очень похожий на свою собаку. Его отвислые щеки оттягивали вниз нижние веки, обнаруживая красную полосу под глазным

яблоком. Совершенно как у сенбернара. И так же медленно ступал он тяжелыми мягкими ногами. И шли они рядом.

— Ишь, собачища! — сказала раз нянька.

И мы не поняли, о ком она говорит — о сановнике или о его собаке. «Собачища» ему подходило, пожалуй, больше, чем ей. У него лицо было свирепое.

Нас очень интересовала эта огромная собака. И раз, когда сановник остановился перед окном книжного магазина, и собака остановилась рядом и тоже смотрела на книги, младшая сестра моя вдруг расхрабрилась и протянула руку к пушистому толстому уху, которое было на уровне ее лица.

— Можно погладить собачку? — спросила она. Сановник обернулся, весь целиком, всем туловищем.

— Это... э-это... совершенно лишнее! — резко сказал он, повернулся и пошел.

Я потом за всю свою жизнь никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь говорил таким тоном с трехлетним ребенком.

Действительно, — точно гавкнула собачища.

Дети страшно остро чувствуют обиду и унижение.

Я помню до сих пор, как она втянула голову в плечи, стала вся маленьким жалким комочком и заковыляла к няньке.

Мы еще раза два-три видели их — его и собаку. Потом почему-то перестали их встречать.

И вот раз вечером, уже лежа в постели, услышала я нечто. Рассказывала горничная нашей няне, и обе смеялись.

— И злощий был презлющий. Чиновника своего прогнал и повара рассчитал, и швейцару нагоняй. Трех ветеринаров созвал. Ну, однако, пес евонный окошел. Ну, прямо и смех, и грех, он его трогать не велел, а положил в зале в углу на ковер. Лакей Петро рассказывал — сидит, говорит, злощий, аж весь черный, у

себя в кабинете, пишет-пишет, потом встанет да так тихомольно крадучись, в залу пройдет, нагнется к собаке-то, лапу ей поцелует — ну, ей-Богу, умора! Да опять тихомольно к себе в кабинет. Сядет и пишет. Попишет-попишет, задумается, да опять, да на цыпочках, раскорякой — и идет в залу. Лакей Петро позвал Семена кучера, да Ариша ихняя — там за дверью в передней все видно — так прямо все животики надорвали.

— Гос-с-споди спаси и помилуй! — ахала нянька. — Собачью лапу!

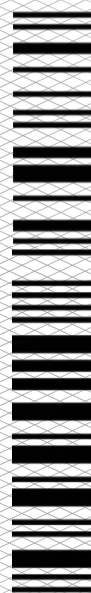
— Да ведь всю-то ноченьку так и не ложился. Ну и поохотали же мы! Ноги, говорит, внутрь завернет, ровно барсук, брюхом переваливает, думает — никто и не слышит, как он в залу-то. Сушая комедь! Прямо, говорит, театру не надо.

— Ну-ну!

ЗАДАНИЕ 2.

Прочитайте три стихотворения Булата Окуджавы. Что их роднит? Какие нравственные ценности утверждаются в них? Какие художественные средства используются автором для выражения темы? Попробуйте, исходя из прочитанного, смоделировать образ поэта. Что бы вы о нем сказали? Как бы вы его представили человеку, вообще не знакомому с его творчеством? Ответ напишите в форме эссе (150-200 слов). Придумайте заглавие для своего эссе.

Максимальное количество баллов – 30.

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ
2024-2025 УЧ. ГОД**

10 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 70) и творческое задание (максимальный балл – 30). Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа писателя Наринэ Абгарян «Бегония»

Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст.

Максимальный балл - 70 баллов.

Опорные вопросы:

1. Какую роль в рассказе играет время действия? Как это связано с его жанровой спецификой?
2. Каково значение образа, вынесенного в заглавие?
3. Как в рассказе развивается «мысль семейная»?
4. Как авторская позиция выражается через логику сюжета и композиции?
5. Какую роль играют детали в рассказе?

Ничто не радовало Максима Георгиевича в предновогоднее утро: ни пенсия, которую повезло получить накануне за пять минут до закрытия банка, ни внезапно нормализовавшееся давление – пришлось аж три раза измерить на обеих руках (один раз сидя, дважды – лежа), чтобы убедиться, что тонометр не врет. – 130 на 80, практически молодость, – хмуро констатировал он, убирая аппарат в ящичек тумбочки.

И даже бегонии, распустившейся пышным розовым цветом аккурат к морозам, не суждено было порадовать его.

– Нашла время! – проворчал Максим Георгиевич, переставляя ее на подоконник – поближе к скудному зимнему свету.

Завел он ее себе в мае, сразу после похорон жены. По пути с кладбища зачем-то заглянул в ларек на выходе из метро и попросил бегонию. Ехал потом семь остановок на автобусе, бережно прижимал к груди горшок с чахлым кустиком и утирал слезы насквозь промокшим носовым платком.

Анютка очень переживала, что он курит. Совестила и просила, чтобы бросил. Покупала журналы по здоровью и читала ему о вреде табака.

– Завтра брошу! – отмахивался он.

– Сколько раз ты мне это уже обещал?!

Максим Георгиевич делал виноватое лицо и, выждав некоторое время, сутулясь и кашляя в кулак, выходил на лестничную клетку, чтоб покурить в распахнутую форточку. Во дворе протекала обычная московская жизнь, соседи в квартире напротив по своему обыкновению ругались так, что слышно было через тяжелую металлическую дверь, по трубе мусоропровода с грохотом скатывался хлам. Максим Георгиевич чутко прислушивался и, если мусор падал вниз со стеклянным

звоном, сокрушенно качал головой: «Что за люди, ведь сто раз просили стеклянное на помойку выносить!»

В апрельском номере «Лечебных писем» Анютка нашла статью, где обстоятельно расписывались полезные свойства бегонии.

– Тут говорится, что она очищает воздух, и потому строго рекомендуется заядлым курильщикам. Давай заведем. Чистый воздух – залог здоровья.

– Помрем хоть здоровыми, – хмыкнул Максим Георгиевич. Любовь супруги к народным рецептам казалась ему чем-то вроде причуды, и он часто подтрунивал над ней. Она не обижалась.

Бегонию он приобрел в память об Анютке, пускай будет, раз она этого так хотела. Бросать курить не собирался, смысл бросать, когда из близких остались только пожилая дворняжка Тузик, альбом с пожелтевшими семейными фотографиями и читанные-перечитанные книги, содержание которых помнишь наизусть. Ну и стопка журналов «Лечебные письма», которые рука не поднялась выкинуть.

Тузик после ухода хозяйки совсем сдал, лежал на своем коврик и молчал. Ел с большой неохотой, страдал обострением артрита. Максим Георгиевич варил каши на бульоне – себе и ему. Наложит две одинаковые порции, свою чуть подсолит, ест и нахваливает. Тузик какое-то время смотрел с жалостью, потом тоже принимался за кашу.

– Что подделаешь, – вел с ним разговор Максим Георгиевич, орудуя ложкой, – так велел ветеринар. Нужно, говорит, заинтересовать тебя едой. Вот стараюсь, как могу. Ты уж не обессудь, если что не так.

Тузик запивал кашу водой и отворачивался к стене. Тосковал по Анютке.

Максим Георгиевич приобрел хозяйственную сумку на колесиках и вывозил его во двор – подышать свежим воздухом и сходить до ветру. Сегодня пришлось в плед укутать – мороз на улице стоял сухой, хрусткий, аж дореволюционный – не вдохнуть и не выдохнуть. Анютка бы сказала – сусально-серебряный. Она очень любила слово «сусальный». Лето у нее было сусально-золотое, зима – сусально-серебряная. Лето в этом году выдалось жарким, зима ударила морозами.

«Вот только зря старались, некому теперь вас сусальными называть!» – думал Максим Георгиевич, помогая Тузику выбраться из-под пледа.

На обратной дороге заглянули в продуктовый – прикупить хлеба и куриных крыльев. Магазин переливался новогодними огоньками, в витрине стоял огромный Дед Мороз – дородный, краснощекий, – и приветственно махал прохожим красной варежкой. «И не подумаешь, что ненастоящий!» – проворчал Максим Георгиевич. Его сегодня действительно ничто не радовало, и даже веселый, словно из далекого детства, Дед Мороз навевал одно только уныние.

Он оставил сумку с Тузиком возле камер хранения, вопросительно глянул на охранника – тот покосился на собаку, но махнул рукой – не оставлять же на морозе. Максим Георгиевич коротко кивнул и прошел в зал. 31 декабря магазин работал до семи. До закрытия оставалось еще два часа, посетителей было очень мало – люди заблаговременно купили нужное и теперь, наверное, готовились к празднику. Анютка делала все обстоятельно: туго крахмалила кружевную скатерть, сворачивала из салфеток зайчиков со смешно торчащими

ушками, зажигала обязательные красные свечи, заводила проигрыватель... Эх! У Максима Георгиевича защипало в носу. Он часто заморгал, отгоняя слезу, отругал себя за безвольность и решительно направился в отдел выпечки. Там он положил в тележку кирпичик дарницкого (надолго хватит), чуть поколебавшись, добавил еще коробочку курабье – к чаю. Осталось взять куриных крыльев и несколько пакетиков кошачьего корма – любимого лакомства Тузика. Путь лежал через молочный отдел. Вдоль морозильных ларей с мороженым, задумчиво распевая себе под нос песенку про елочку, ходил приставным шагом пятилетний мальчик в голубом комбинезоне. Иногда, прервав пение, он прижимался носом к прозрачной дверце и декламировал по слогам: «Пломбир сли-воч-ный в мо-лоч-ном шо-ко-ла-де». И добавлял с восторженным шепотом: «Вау!»

– Где мама? – спросил Максим Георгиевич.

Мальчик не обернулся.

– Там, – махнул он в сторону отдела фруктов-овощей и продолжил чтение: – «Са-хар-ный ро-жок плом-бир с клюк-вой».

Максим Георгиевич сразу разглядел маму мальчика (она выбирала мандарины, принюхиваясь к плодоножкам), но на всякий случай решил уточнить. Он помахал рукой, привлекая к себе ее внимание:

– Это ваш ребенок?

– Мой! – кивнула она. И поспешно добавила: – Он совершенно безобидный.

– Не такой уж и безобидный! – сварливо прогундосил мальчик.

– Артем! – смутилась мама. У нее было очень располагающее к себе открытое лицо и ямочки на щеках.

– Сама же и называла меня горем луковым! – проворчал мальчик и обернулся.

Максим Георгиевич крикнул – щека у него была залеплена большим пластырем.

– Это я случайно с Севой подрался, – пояснил он.

– Специально дерутся только дураки, – согласился Максим Георгиевич.

– Да?

– Зуб даю.

Мальчик округлил глаза.

– Зачем?

Максим Георгиевич, продолживший было свой путь, притормозил:

– Что зачем?

– Зачем зуб даешь?

– Ну... Это выражение такое. Наподобие клятвы. Можно сказать «клянусь», а можно – «зуб даю».

Мальчик почесал себе нос.

– Понятно.

– Я пошел? – спросил разрешения Максим Георгиевич.

– Иди.

Кассирша пробила чек неправильно – продублировала печенье.

– Исмаил, подойди, пожалуйста! – пропела она тонким голоском в переговорную трубку.

Максим Георгиевич удивленно вздернул брови – буквально минуту назад она спросила у него хорошо поставленным басом социальную карту москвича.

Исмаил оказался невысоким ослепительно лысым мужичком с мохнатыми бровями. Кассирша кокетливо

улыбнулась ему и делано вздохнула – не знаю, что со мной сегодня происходит, постоянно перебиваю.

– Жить просто без меня не можешь, – хохотнул Исмаил.

– Не могу. Женишься на мне?

– А свою жену куда девать?

– Не знаю, не знаю, – последовал певуче-жеманный ответ.

Максим Георгиевич поспешно сложил в авоську продукты.

– Счастливого вам Нового года! – крикнула ему вдогонку кассирша.

Пришлось пожелать ей того же.

Фонарь за окном, наконец-то починенный к праздникам, освещал кусочек тротуара с припаркованной заснеженной машиной, на лобовом стекле которой кто-то вывел незатейливое «Люблю Любу».

– Ишь, – хмыкнул Максим Георгиевич, нацепив на кончик носа обе пары очков – для улицы и для чтения, и разглядывая надпись.

– Пиу-пиу-пиу! – взмыли в небо фейерверки и, взорвавшись разноцветными огнями, растворились в темноте.

Тузик завозился на своем коврик, вздохнул – он с детства не переносил шума и даже к старости, изрядно потерявши слух, нервно на него реагировал. Хотя сейчас скорее чувствовал его, чем слышал.

– Всю ночь будут взрывать. Придется потерпеть, – Максим Георгиевич с кряхтением нагнулся, погладил его по голове, почесал за ухом. Тузик с благодарностью лизнул ему ладонь, прикрыл глаза.

Анютка тоже не переносила шума. Она умела каким-то непостижимым образом убавлять вокруг себя звуки и приглушать тона – говорила всегда полупшепотом, работала практически бесшумно. И мир как будто подлаживался под нее – деликатничал, притихал. Когда ее не стало, живая, наполненная заботой и нежностью тишина обернулась в бездушную и каменную. Только Анютка могла согреть ее своим ненавязчивым, тактичным присутствием.

Максим Георгиевич отчаянно тосковал по ней. Когда становилось совсем невмоготу, он выдергивал из стопки «Лечебных писем» журнал, раскрывал на последней странице и читал письма одиноких стариков, желающих найти себе вторую половинку. Никого он себе не искал, но чужими поисками удивительным образом утешался. Скупко комментировал письма, над некоторыми смеялся в голос, утирая слезу умиления.

– «Мне исполнилось всего 84 года». Всего 84, а?

– «Хотелось бы познакомиться с работающим дедушкой (без интима). Будем вместе ходить в лес по грибы, по ягоды и на речку купаться». Ишь, без интима ей. Где его в нашем возрасте возьмешь-то, интим этот?

– «Вдовец, 74 года. Был женат 5 раз. 4 раза неудачно, а пятый раз – со смертельным исходом». Кхех!

– «Ищу женщину не старше 50 лет. Приезжай, родная, если ты без судимости». А раз с судимостью, то ходи незамужней!

Максим Георгиевич захлопнул журнал, убрал на место. Достал из пачки сигарету, размял в пальцах.

– Покурить отпустишь?

Тузик не ответил.

– Я быстро.

Он накинул на плечи жакет (Анютка к семидесятилетию связала), завожился с замком, который раз упрекая себя за то, что забывает его смазать. Курил, ежась и постукивая ступней о ступню – холод в подъезде стоял нешуточный.

Дверь соседней квартиры приоткрылась, Максим Георгиевич нехотя обернулся, чтобы поздороваться.

Артем стоял в дверном проеме и смотрел на него правым глазом – левый был скрыт за косяком.

– А что это ты здесь делаешь? – спросил он.

Максим Георгиевич поспешно загасил сигарету.

– Живу. А что ты здесь делаешь?

– Ты снова открыл входную дверь? – слышалось откуда-то из глубины квартиры.

– Мам, смотри, кого я тут нашел! Того дедушку из магазина.

– Какого дедуш... – Мама Артема выглянула на лестничную клетку и обомлела.

– Я в квартире напротив живу, – пояснил Максим Георгиевич.

– Надо же, какое совпадение! А я – коллега ваших соседей. Они уехали на отдых в Таиланд, попросили за котом присмотреть. Вот мы с сыном и переехали.

– На целых десять дней! – вставил Артем.

– Рад, что мы будем соседями целых десять дней. Меня зовут Максим Георгиевич.

Она протянула руку:

– Я Маша.

Он пожал ее руку и неожиданно для себя спросил:

– Вам есть с кем Новый год встречать? Если нет – приходите ко мне. Вместе будет веселей.

Артем радостно подпрыгнул, но тут же деловито поинтересовался:

– А чем ты нас кормить будешь?

– Ничем, – растерялся Максим Георгиевич, – я, честно говоря, и не собирался отмечать. Но раз такое дело... – Он запнулся, не зная, как закончить предложение.

– Вы один живете? – спросила Маша.

– У меня Тузик. Дворняга. И бегония, которая с какой-то радости расцвела сегодня утром.

Маша улыбнулась широко и открыто. «Совсем девочка», – подумал Максим Георгиевич.

– А знаете что? Приходите-ка к нам с Тузиком и бегоней. У нас утка. И оливье. Правда, я туда вместо яблок репчатый лук добавляю, но это ведь ничего?

– Ничего, – согласился Максим Георгиевич.

– А еще у нас свекольный салат с грецкими орехами, сливками и чесноком. И торт, правда магазинный, но вкусный.

Артем дернул мать за рукав:

– Откуда знаешь, что вкусный? Ты же не пробовала его.

– Предчувствую, – коротко ответила Маша.

Максим Георгиевич кинул окурочку в баночку, которая служила ему пепельницей, крепко закрутил крышку.

– Можно я спрошу? Почему вы нюхали мандарины?

Маша убрала руки за спину. Ответила, глядя чуть выше его плеча. Словно высматривала за спиной кого-то.

– У деда в Сухуми был большой мандариновый сад. Мне годика четыре было, но я до сих пор помню. Деда давно нет, и сада тоже нет. А я все нюхаю мандарины. Даже не знаю зачем. Может быть, ищу тот запах из детства. И не нахожу.

Артем слушал мать, затаив дыхание. Пластырь на щеке съехал набок, открыв обработанную йодом неглубокую царапину. Максим Георгиевич вздохнул, улыбнулся.

– Спасибо за приглашение. Придем обязательно.

Новогодняя ночь прошла за разговором. Артем спал на диване, уткнувшись лбом в теплую спинку кота, мигающие гирлянды раскрашивали комнатную темноту разноцветными огоньками. Тузик, не по возрасту бодрый, лежал в ногах Маши, положив голову на ее тапочку. Если она вставала, чтобы заварить новую порцию чая, он тут же выпускал тапочку и, резво цокая по паркетному полу когтями, сопровождал ее до плиты. Когда она усаживалась за стол, он тут же завладевал тапочкой.

Ты, главное, не съешь ее, – шепнул Максим Георгиевич, подняв край скатерти. Тузик, моментально оскорбившись, глянул на него так, словно лапой у виска покрутил. «Ишь», – подумал Максим Георгиевич, но вслух ничего говорить не стал.

Маша рассказала ему обо всем: о родителях, похороненных в Калуге, о неудачном первом браке, о своем непростом решении уехать в Москву к любимому человеку, который вроде с тобой, а на самом деле – нет...

– Женат? – прямо спросил Максим Георгиевич

– Женат. Пять лет обещает развестись.

– Зачем вам мужчина, который не умеет слова сдержать?

– Незачем. Потому я и согласилась пожить здесь. Нужно понять, как дальше быть.

Максим Георгиевич машинально размешал чай. Отпил, поморщился – переложил сахара.

– Свежего заварить? – поднялась Маша.

Тузик с готовностью высунулся из-под стола, чтобы сопроводить ее до плиты.

– Нет, спасибо.

За окном взрывались петарды, у соседей сверху громко играла музыка, на дне салатницы осталось немного оливье – Максим Георгиевич отломил кусочек хлеба, подобрал остатки салата, съел с нескрываемым удовольствием. Анютка натирала туда антоновку и добавляла только яичные желтки, заправляла оливковым маслом – берегла сердце. У Маши он был почти классический, только яблоки заменял репчатый лук, получилось острее и на удивление вкуснее.

– Я пятьдесят лет ел только то, что готовила Анютка. Думал, что ничего вкусного больше не попробую. А теперь вот! – признался Максим Георгиевич. И заплакал.

И, пока Маша бегала в его квартиру – за корвалолом, а проснувшийся Артем, с котом под мышкой (кот висел неудобно, ушастой башкой вниз, но попыток вырваться не делал), гладил его по плечу, он рассказывал, рассказывал, как они жили с Анюткой – душа в душу, пятьдесят с лишним лет, и как она собиралась купить бегонию, но не успела, легла и не проснулась, как жила, согревая собой все, что ее окружало, как однажды, сорок лет назад, она влюбилась в другого, призналась ему и попросила отпустить, но он не смог этого сделать, потому что любил так, что казалось – уйди она, и он прекратит дышать, и как он стоял перед ней на коленях, умолял не бросать его, и она осталась, и никогда, ни разу он не попрекнул ее случившимся, и она ни разу не попрекнула его тем, что не дал ей уйти, и как не случилось детей, хотя они о них мечтали и никогда не теряли надежды, и как он оплакивал Анютку, как перебирал ее платья в шифоньере, как нашел в коробке из-под обуви дневник, где она писала о своей любви к нему и о том, что ни минуты не сожалеет о том, что осталась с ним, и как сегодня расцвела бегония, а на

заснеженном капоте машины кто-то вывел глупое «Люблю Любу» и заключил в кривенькое, но сердце, столько в мире любви, плакал Максим Георгиевич, впервые не стыдясь своих слез и не коря себя за мягкотелость, столько в мире любви, а у меня ее нет и никогда уже не будет!

Лег он почти под утро, усталый и опустошенный. Тузик свернулся в ногах и на каждый шорох настороженно приподнимался, спи, все хорошо, попросил Максим Георгиевич, и тот уснул наконец, положив тяжелую голову ему на ногу, и храпел во сне, и даже дергал лапой – наверное, гонялся за кем-то, а может быть, убегал от кого-то. Видишь, как все вышло, крепился-крепился и сорвался перед чужими людьми, нет пытки хуже, чем одиночество, теперь я это знаю наверняка, шептал Максим Георгиевич, ведя один из своих нескончаемых безответных диалогов, которые стали единственной возможностью его существования – казалось, прекрати он говорить с Анюткой, и жизнь в тот же миг закончится.

Разбудил их долгий звонок в дверь, Тузик сполз с кровати, поплелся, припадая на правую лапу, хэх, забыли вчера лекарством намазать, закручинился Максим Георгиевич, натягивая брюки, иду, уже иду, крикнул он, водружая на переносицу очки, шел, держась за стену, – ломило затылок, отпирал, привычно коря себя за то, что забыл смазать замок. За дверью обнаружились Маша, Артем, кот и бегония, которую он вчера забыл у них, у кота торчали глаза и уши, у Артемки на щеке был новый, красный пластырь вместо вчерашнего желтого, Маша прижимала к груди горшок с бегонией и большой термос, бегония расцвела пуще вчерашнего и даже, кажется, пахла, что в термосе? – спросил Максим Георгиевич, сторонясь, чтобы пропустить их в квартиру, куриный бульон, звонко отрапортовал

Артем, будем вас лечить, добавила Маша, от чего? – спросил Максим Георгиевич, от всего, ответила Маша, показывайте, где тут у вас тарелки.

Бульон оказался действительно целебным, у Максима Георгиевича прошла голова, а Тузик прекратил прихрамывать, потом они с Артемом смазывали замок, то есть Максим Георгиевич смазывал, а Артем стоял рядом и ковырялся в носу, наблюдая свое отражение в большом старинном зеркале, а на замечание, что ковырять в носу некрасиво, согласился, что вообще-то некрасиво, но в этом зеркале красиво, потом Маша сходила за остатками вчерашнего торта, и они пили чай, Максим Георгиевич завел проигрыватель и учил их сворачивать из салфеток ушастых зайчиков, и, пока мать с сыном, одинаково склонив к левому плечу головы, возились с салфетками, он думал о том, что, если она решит расстаться с тем мужчиной, он позовет их жить к себе, почему нет, в квартире есть свободная комната, Артемка будет ему вместо внука, а Маша – вместо дочери, которой у них с Анюткой так и не случилось, нет ничего хуже одиночества, он знал это наверняка, и потому очень хотел, чтобы они не догадывались о том как можно дольше. Лучше бы, конечно, никогда.

ЗАДАНИЕ 2.

Прочитайте стихотворения двух авторов на одну тему. Сформулируйте её. Как каждый из поэтов интерпретирует эту тему? Какие художественные средства используются для её выражения в каждом из предложенных стихотворений? Можно ли говорить о том, что каждый из названных авторов наследует определенную традицию русской классики? Произведения какого поэта 19 века вам вспоминаются? Ответ напишите в форме эссе (150-200 слов). Дайте название своему эссе.

Максимальное количество баллов – 30.

Сергей Гандлевский.

Есть в растительной жизни поэта
Злополучный период, когда
Он дичится небесного света
И боится людского суда.
И со дна городского колодца,
Сизарям рассыпая пшено,
Он ужасною клятвой клянется
Расквитаться при случае, но,

Слава Богу, на дачной веранде,
Где жасмин до руки достает,
У припадочной скрипки Вивальди
Мы учились полету — и вот
Пустота высоту набирает,
И душа с высоты пустоты
Наземь падает и обмирает,
Но касаются локтя цветы...

Ничего-то мы толком не знаем,
Труса празднуем, горькую пьем,
От волнения спички ломаем
И посуду по слабости бьем,
Обязуемся резать без лести
Правду-матку как есть напрямик.
Но стихи не орудие мести,
А серебряной чести родник.
1983

Борис Рыжий

Мне не хватает нежности в стихах,
а я хочу, чтоб получалась нежность —
как неизбежность или как небрежность.
И я тебя целую впопыхах.

О муза бестолковая моя!
Ты, отворачиваясь, прячешь слезы.
а я реву от этой жалкой прозы,
лица не пряча, сердца не тая.

Пацанка, я к щеке твоей прилип.
Как старики, как ангелы, как дети,
мы будем жить одни на целом свете.
Ты всхлипываешь, я рифмую «всхлип».

1999 г.

ЗАДАНИЕ 1.
Выполните целостный анализ рассказа Людмилы Петрушевской «Отец».

Можно опираться на вопросы, данные ниже, но необязательно отвечать на них в том порядке, в котором они даны. Вы можете обратить внимание и на другие аспекты произведения, не отраженные в вопросах.

- Максимальное количество баллов – 70.**

- Как зачем? - ответила старушка и тщательно закрыла свою дверь на замок, на ключ и на цепочку.

стр. 21

Тем временем за окнами стемнело уже окончательно, и путешествующий отец стал думать, как быть дальше. Он не знал расписания поездов и вообще рисковал завязнуть в сугробах, тем более что повалил снег, заметающий все следы.

Тогда он прилег на лавочку и задремал.

Разбудил его стук в дверь. Приподнявшись на лавочке, он сказал:

- Да-да, пожалуйста!

В избу вошел маленький, закутанный в какое-то рваное тряпье ребенок.

Войдя, он в нерешительности замер у стола.

- Это еще что за явление? - спросил с лавочки не совсем проснувшийся будущий папаша. - Ты откуда? Как ты здесь очутился? Ты здесь живешь?

Ребенок пожал плечами и сказал "нет".

- Тебя кто привел?

Ребенок покачал замотанной в рваную шаль головой.

- Ты один?

- Я один, - ответил ребенок.

- А мама? Папа?

Ребенок засопел и пожал плечами.

- Тебе сколько лет-то?

- Я не знаю.

- Ну, хорошо, тебя как зовут?

Ребенок опять пожал плечами. Носик у него вдруг оттаял и потек. Он вытер нос рукавом.

- Погоди, - сказал тут будущий отец. - Для такого случая у людей имеются носовые платки.

Он вытер ребенку нос и стал осторожно раздевать его. Размотал шаль, снял меховую, какую-то старушечью, шапку, снял пальтишко, теплое, но очень рваное.

- Я мальчик, - сказал вдруг ребенок.

- Ну, это уже кое-что, - сказал этот человек, помыл ребенку под рукомойником руки, очень маленькие, с очень маленькими ноготочками. Ребенок был вообще похож на старичка, временами на китайца, иногда даже на космонавта своими припухшими глазками и носом.

Человек напоил ребенка сладким чаем и стал кормить его хлебом. Оказалось, что ребенок сам пить не умеет, пришлось поить его с ложечки. Человек даже вспотел от усталости.

- Ну, вот, теперь давай я положу тебя спать, - сказал он, окончательно заматавшись. - На печке тепло, но ты оттуда свалишься. Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Я тебя положу на сундуке и заставлю стульями. Что бы такое постелить тебе...

Человек стал искать по избе теплое одеяло, не нашел, постелил свою теплую куртку, снял с себя свитер, чтобы укрыть дитя. Но тут он посмотрел на сундук. Вдруг там что-то есть, какое-нибудь тряпье?

Человек раскрыл сундук, вытащил оттуда голубое шелковое стеганое одеяльце, подушку с кружевами, матрасик и стопку маленьких простынок. Под ними оказалась стопка тонких рубашечек, тоже с кружевами, затем теплые байковые рубашечки и комок вязаных штанишек, перетянутый голубой лентой.

- Ого, да тут целое приданое! - воскликнул человек. - Это, правда,

принадлежит какому-то другому ребенку... Но все дети ведь одинаково мерзнут и одинаково хотят есть... Надо друг с другом

делиться! - громко сказал будущий отец. - Нельзя допускать, чтобы у одного ребенка не было ничего, он бы ходил в тряпках, а у другого ребенка было бы слишком много. Верно? - спросил он.

Но ребенок уже заснул на лавочке.

Тогда человек неловкими руками приготовил роскошную голубую постельку, очень осторожно переодел ребенка во все чистое и уложил его. Сам же бросил куртку на пол возле сундука, заставленного стульями, и лег, укрывшись свитером. При этом будущей отец так утомился, что уснул сразу же, как никогда в жизни не засыпал.

Проснулся он от стука в дверь.

В помещение входила какая-то женщина, вся занесенная снегом, но босая.

Вскочив спросонок, человек загородил собой сундучок и сказал:

- Извините, мы тут у вас немного похозяйничали. Но я заплачу вам.

- Извините, я заблудилась в этом лесу, - не слушая, сказала женщина, - и решила зайти к вам погреться. Я боялась, что замерзну, там настоящая метель. Можно?

Человек понял, что эта женщина вовсе не хозяйка дома.

- Сейчас я вам согрею чайник, - сказал он. - Садитесь.

Пришлось топить печь дровами, пришлось искать в сених бочку с водой.

Попутно нашелся чугунок с еще теплой картошкой и другой чугунок с пшенной кашей на молоке.

- Ладно, это мы съедим, а кашу оставить придется ребенку, - сказал

человек.

- Какому ребенку? - спросила женщина.

- Да вот, - и человек показал на сундучок, где сладко спал маленький ребенок, закинув ручки за голову.

Женщина опустилась перед сундучком на колени и вдруг заплакала.

- Господи, вот он, мой ребеночек, - сказала она. - Неужели это он?

И она поцеловала край голубого одеяльца.

- Ваш? - удивился человек. - А как его зовут?

- Не знаю, я еще не назвала его. Я так устала за эту ночь, целая ночь страданий. Мне никто не мог помочь. Ни один человек на свете.

- А кто это, мальчик или девочка? - недоверчиво спросил человек.

- Это все равно: кто есть, того мы и любим.

И она снова поцеловала край одеяла.

Человек внимательно посмотрел на женщину и увидел, что у нее на лице действительно следы страданий, рот запекся, глаза ввалились, волосы висят.

Ноги у нее оказались очень худые. Но прошло некоторое время, и женщина как будто согрелась и странно похорошела. Глаза у нее засияли, впалые щеки разругались. Она задумчиво смотрела на некрасивого, лысенького мальчика, спавшего на сундуке. Руки ее, крепко держащие края сундука, дрожали.

Изменился и ребенок. Он уменьшился и теперь был похож на старичка с одутловатым носом и с глазками, как щелочки.

Все это показалось человеку странным, - то, как изменились на его глазах женщина и ребенок, буквально за одно мгновение. Человек даже испугался.

- Ну, если это ваш, я не буду вам мешать, - отвернувшись, сказал несостоявшийся отец. - Я пойду, скоро моя электричка.

Он торопливо оделся и вышел вон.

Уже светало, тропинка была, как ни странно, чистая и хорошо утоптанная, как будто не было ночной метели. Наш путешественник быстро пошел прочь от домика, и через несколько часов пути он вышел точно к такому же домику, как и предыдущий, и, уже не удивляясь, без всякого стука вошел в дом.

Сени были такие же, комната точно такая, и так же стоял на столе горячий чайник и лежал хлеб. Путник устал и замерз, поэтому он быстро, не задерживаясь, выпил чаю, съел кусок хлеба и прилег на лавочку в ожидании. Но никто не пришел.

Тогда человек вскочил и бросился к сундуку. В сундуке лежали опять детские вещи, но теперь это уже были теплые вещички - курточка, шапочка, очень маленькие валенки, теплые стеганные штанишки, даже какой-то роскошный комбинезон и на дне меховой мешок с капюшоном.

Этот человек сразу подумал, что маленькому мальчику совсем нечего надеть на улицу, у него есть рубашечки и всякая дребедень, но больше ничего! Вслух извинившись, он отобрал самое нужное - меховой мешок, комбинезон, валенки и шапочку. Затем он прихватил еще и санки, стоящие в углу, потому что в другом углу он увидел еще одни. Еще раз попросив прощения, он взял из груды валенок за сундуком одни взрослые валенки, по виду как будто подходящие для женщины - она же была босая! С этим грузом он помчался как можно быстрее по морозу назад, к первой избушке.

В ней уже никого не было. Стоял горячий чайник, лежал хлеб. Сундучок был пуст. "Видимо, она надела на мальчишку все эти тряпки, - подумал несостоявшийся отец. - Какие глупости, ведь у меня есть все необходимое!"

Он тут же кинулся бежать по другой тропинке, волоча за собой санки, и очень быстро догнал женщину, потому что она еле шла. Ее даже покачивало. Босые ноги были красны от снега. Она несла на руках закутанного в тряпье ребенка.

- Минутку! - закричал наш отец. - Погодите! Ведь разве можно так идти! надо же одеть парня! Вот тут все необходимое.

Он взял у нее ребенка, она покорно, закрыв глаза, отдала ему свою ношу, и они вместе вернулись в свою избушку.

Теперь только отец вспомнил странную старуху, которой он помог донести тяжелые сумки, и спросил у женщины:

- Скажите, а вам адрес тоже старушка дала?

- Нет, она мне назвала только название станции - "Сороковой километр", - ответила женщина, почти засыпая.

Но в это время ребенок заплакал, они вдвоем, торопясь, стали его переодевать, и он вдруг оказался таким маленьким, что никакие валенки, конечно, ему негодились, а пришлось его пеленать, заворачивать в одеяло, и вот тут пригодился меховой мешок с капюшоном. Все остальное они завязали в узел, женщина обула свои новые валенки, и они отправились обратно втроем. Новоявленный отец нес ребенка, а женщина тащила вещички, и по дороге они забыли, где встретились, забыли и название станции. Они помнили только, что была какая-то очень трудная ночь, долгая дорога, тяжелые времена одиночества, но теперь у них родился ребенок, и они нашли то, что искали.

ЗАДАНИЕ 2.

Прочитайте стихотворения трех авторов – представителей одного поколения - на одну тему. Сформулируйте её. Как каждый из поэтов интерпретирует эту тему? Какие художественные средства используются для её выражения в каждом из

предложенных стихотворений? Можно ли говорить о том, что каждый из названных авторов наследует определенную традицию русской классики? С кем из поэтов 18-го или 19-го века вы бы могли их сопоставить и почему? Ответ напишите в форме эссе (приблизительно 200 слов).

Максимальное количество баллов – 30.

Борис Слуцкий.

Я учитель школы для взрослых,
Так оттуда и не уходил —
От предметов точных и грозных,
От доски, что черней чернил.
Даже если стихи слагаю,
Все равно — всегда между строк —
Я историю излагаю,
Только самый последний кусок.
Все писатели — преподаватели.
В педагогах служит поэт.
До конца мы еще не растратили
Свой учительский авторитет.
Мы не просто рифмы нанизывали —
Мы добьемся такой строки,
Чтоб за нами слова записывали
После смены ученики.

Булат Окуджава.

У поэта соперников нету —
ни на улице и не в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас — за себя.

Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его, — нынче ваше.
Все для вас. Посвящается вам.

Давид Самойлов.

Дай выстрадать стихотворенье!
Дай вышагать его! Потом,
Как потрясенное растение,
Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер,
И только завтра я пойму,
Какое привалило счастье
Глупцу, шуту, бог весть кому,-

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.